

Veronika Moon

Пленница ледяного замка

Moon V.

Пленница ледяного замка / Veronika Moon. – М.: Литнет, 2026. – 280 с.

ISBN 978-5-521-99377-2

Её брак – это приговор. Его сердце – вечная загадка. Их встреча – начало войны.

Аделаида обречена. В качестве живой пешки в политической игре её выдают замуж за самого загадочного и страшного правителя – лорда Итана. Ходят слухи, что он не человек, а колдун, который собирает человеческие сердца, даруя взамен мимолётные желания. Расплата – вечная пустота.

Аделаида готова к жестокости, к унижениям, к жизни в золотой клетке. Но она не готова к самому Итану. Умному, язвительному, чей взгляд пронзает насквозь, а холодное внимание обжигает сильнее огня. И уж точно она не ожидала, что её тихая непокорность разожжёт в нём интерес. Теперь их брак превратился в опасную дуэль, где её главное оружие – её собственная душа, а ставка – сердце чудовища, которое, возможно, не так бесчувственно, как кажется.

Что его сильнее ранит: её ненависть или её любовь?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

Глава 1. Собственность

Аделаида стояла у высокого зеркала в позолоченной раме, пока горничная затягивала шнуровку корсета с таким усердием, будто пыталась задушить в зародыше саму возможность неповиновения. Каждый рывок шелкового шнура – еще одно напоминание: ее судьба решена без ее согласия. Воздух в будуаре был густым от запаха пудры, лаванды и страха.

– Держитесь прямо, миледи, – бормотала служанка, и Аделаида машинально выпрямила плечи. В отражении на нее смотрела незнакомка – бледная, с огромными глазами, цветом напоминающими лесную грозу, в ослепительном платье цвета слоновой кости, расшитом жемчугом. Марионетка, одетая для торжественного представления.

Сегодняшний бал в честь заключения союза между её родной Валлонией и загадочными Землями Теней был, по сути, ее прощанием со свободой. Через три дня её выдадут замуж за правителя тех земель – человека, которого она никогда не видела. Человека по имени Итан. Его имя эхом отзывалось в её памяти, обрастая леденящими душу подробностями.

– Он – тень, облеченная плотью, – шептались за веерами придворные дамы, их глаза блестели от запретного ужаса.

– Говорят, он читает души, как открытые книги, – предупреждал старый советник ее отца, хмурая седые брови. – Никогда не смотрите ему прямо в глаза, дитя мое.

И самый жуткий шепот, от которого стыла кровь: «Он собирает сердца. Взамен он дает любое желание. Любое, но то, что ждет просителя после... не стоит никакой мечты».

Аделаида сглотнула комок в горле. Её собственное сердце, предательски колотившееся за ребрами, казалось, уже чувствовало на себе тяжесть его взгляда. Оно было разменной монетой в политической

игре, ценой за шаткий мир между двумя землями. Ее чувства, ее желания, ее жизнь – ничто не имело значения.

Бальный зал «Объединенных Сфер» сиял, ослепляя тысячами свечей в хрустальных люстрах. Их свет дробился в позолоте лепнины и отражался в отполированном до зеркального блеска паркета. Воздух был густ и сладок от аромата ночных фиалок, дорогой пудры и скрытого напряжения. Музыка – томный, чувственный вальс – лилась ручьем, но Аделаида, прижавшись к колонне, слышала лишь навязчивый гул в собственных ушах. Она старалась держаться правильно: улыбка, чуть склоненная голова, изящные движения веером. Внешне – картина совершенной покорности. Но внутри всё кричало, рвалось на свободу, и ей приходилось сжимать пальцы в кулаки, чтобы они не дрожали.

И вот случилось то, чего она боялась и... втайне ждала, чтобы скорее покончить с этим. Музыка смолкла. Шёпот, похожий на шелест опавших листьев перед бурей, пронесся по залу. Толпа расступилась, образовав живой коридор, и он вошел. Он был не таким, как она представляла. Ни кованых доспехов, ни демонической ауры, ни плаща из тьмы. Высокий, с гордой, почти надменной осанкой, одетый в безупречный черный камзол, оттенявший его алебастровую кожу. Его светлые, почти как иней волосы были гладко зачесаны, открывая высокий лоб и четкие линии скул. Но главное – его глаза. Они были цветом старого, потускневшего серебра и казались абсолютно пустыми, лишенными возраста, тепла или эмоций. Он не спеша обводил ими зал, и Аделаиде показалось, что он не видит лиц и нарядов, а читает какие-то невидимые знаки, написанные на самых душах собравшихся. И этот холодный, аналитический взгляд остановился на ней.

Аделаида почувствовала, как ноги становятся ватными, а сердце совершает болезненный кульбит в груди. Этот взгляд был физическим прикосновением, обжигающе-холодным и оценивающим. Он скользнул по ее лицу, шее, и на мгновение задержался там, где

под тканью платья бешено стучало ее предательское сердце. Ей показалось, что он видит его прямо сквозь шелк и кружева, словно редкий, интересный ему экспонат. Он двинулся к ней через зал. Толпа безмолвно расступалась, как море перед гибельным, но величественным кораблем-призраком. Вот он уже в двух шагах. Аромат, исходящий от него, ударил ей в нос – холодный воздух высокогорья, горькая полынь и пыль со страниц древних фолиантов.

– Леди Аделаида, — его голос был низким, бархатным, без единой ноты приветствия или тепла. Просто констатация. Он взял ее руку в свою. Его пальцы были обжигающе холодными, как снег в лунную ночь. Прикосновение заставило ее вздрогнуть, а сердце — на мгновение замерзнуть в ледяной ловушке.

– Милорд, — выдавила она, сделав безупречный, вымученный реверанс, надеясь, что он не почувствует дикую дрожь, пробежавшую по ее руке.

– Мне сказали, вы отлично танцуете, — произнес он, и в уголках его безупречных губ заплясала язвительная, колкая искорка. — Особенно вальс. Любопытный танец. Пара кружится в таком тесном объятии... что можно не только услышать биение сердца друг друга, но и почувствовать, как трепещет душа. Не правда ли? — Это была не просьба, а констатация факта. Приказ, замаскированный под светскую беседу.

Он повел ее на паркет. Его рука на ее талии была твердой и неумолимой, как сталь, не оставляя возможности для отступления. Музыка зазвучала вновь, и они закружились в водовороте огней и взглядов. Он вел ее безупречно, с почти сверхъестественной грацией. Каждое движение было выверено, каждый шаг предопределен. Она была всего лишь куклой в его сильных руках, легкой и послушной. Аделаида старалась не смотреть ему в глаза, опустив длинные ресницы, чувствуя, как жар стыда и страха разливается по ее щекам. Она видела завистливые лица дам, любопытные взгляды мужчин, и все они казались ей размытым пятном. Вся ее вселенная сузилась до этого человека, до его холодных рук и пронзительного взгляда.

– Вы боитесь меня, – констатировал он, не задавая вопроса. Его голос был ровным, без укора или удовольствия.

– Весть о замужестве... может взволновать кого угодно, – подбирая каждое слово, стараясь говорить ровно, ответила она, глядя на матовую серебряную пряжку его камзола.

Он мягко, но неумолимо, почти незаметно для окружающих, направил ее в сторону открытой террасы, подальше от самых любопытных ушей и цепких взглядов.

– Не лгите, – его шепот был похож на тихое шипение змеи, вкрадчивое и опасное. – Я чувствую страх лучше, чем любой другой запах. Он кислый и резкий, как испорченное вино. Но помимо страха... я чувствую и кое-что еще. Любопытство. О, это очень, очень опасная штука, леди Аделаида.

Он наклонился чуть ближе, его губы почти коснулись ее уха. От этого жеста по ее спине побежали мурашки – наполовину от чистого, животного ужаса, наполовину от странного, запретного и пьянящего возбуждения. Так близко он пах еще сильнее – холодом, магией и одиночеством.

– Все они шепчутся о моей... коллекции, не так ли? – продолжил он, его голос стал тише, интимнее. – Говорят, я забираю сердца.

Аделаиде не нашлось что ответить. Слова застряли у нее в горле. Она могла только молча смотреть на него, загипнотизированная, как кролик перед удавом.

– Они правы, – тихо, почти нежно произнес Итан, и в его глазах, этих серебряных глубинах, на мгновение вспыхнула и погасла какая-то древняя, невыразимая тоска. – Но не беспокойтесь, моя прелестная невеста. Ваше сердце... пока что меня не интересует.

Он позволил этим словам повиснуть в воздухе, пока они продолжали кружиться.

– Оно слишком громкое. Слишком трепетное. Слишком... живое. В нем слишком много штормов, – он на мгновение встретился с ней взглядом, и ей показалось, что он видит все ее тайные мысли,

все ее молитвы о свободе. – Я же предпочитаю тишину. Глубокую, бездонную тишину уставших душ.

Танец подошел к концу. Последний аккорд прозвучал и растаял в аплодисментах. Он отпустил ее руку, отступил на шаг и сделал безупречный, холодный, формальный поклон. Маска вежливого безразличия снова скрыла все те странные эмоции, что мелькали на его лице секунду назад.

– До скорой встречи, моя невеста, – произнес он, и в его голосе снова зазвучала та язвительная нотка.

Когда он отошел, растворившись в толпе, Аделаида почувствовала, что может снова дышать полной грудью. Но в ушах у нее еще стоял эхо его бархатного голоса, а на запястье, где он держал ее руку, будто остался шрам от ожога – невидимый, но ощутимый. Она стояла одна посреди сияющего зала, и до нее донеслись обрывки фраз двух пожилых герцогинь:

– Смотрите, как она бледна... Бедное дитя, словно агнец на заклании.

Аделаида медленно выпрямилась. Да, она была напугана. Да, он был монстром. Но в его словах была загадка, а в его взгляде – вызов. И она понимала одно: её жених был гораздо опаснее и сложнее любых слухов. И самая большая опасность таилась не в том, что он мог забрать её сердце силой, а в том, что ей самой вдруг захотелось узнать, что скрывается за этой ледяной маской. И это желание пугало ее куда больше. Чтобы прийти в себя, она сделала несколько шагов к столу с прохладительными напитками, надеясь, что глоток вина остудит пылающие щеки и прояснит мысли. Сердце все еще бешено колотилось, и ей казалось, что все в зале видит отпечаток его пальцев на ее талии.

– Леди Аделаида?

Она вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял Джонатан, сын герцога из соседнего с Валлонией дома. Его поза была непринужденной, а во взгляде, устремленном на нее, читалась неподдельная забота и та твердость, которую она раньше в нем не замечала.

– Мистер Джонатан, – вежливо кивнула она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Вы затмили всех сегодня вечером, – он улыбнулся, но в его улыбке не было легкомыслия. – И, если позволите, вы выглядите так, будто только что говорили со смертью, а не с будущим супругом. Вам нужен глоток воздуха? Или, может, один нормальный танец?

Его слова были глотком свежего воздуха. После ледяного прикосновения Итана эта человеческая, спокойная уверенность была так желанна.

– Вы очень добры, – тихо сказала она, и в ее голосе прозвучала неподдельная благодарность.

– Я руководствуюсь не только добротой, но и долгом, – Джонатан твердо протянул руку. – Ни одна леди не должна быть столь одинока в такой вечер. Окажите мне честь?

Аделаида уже было собралась принять его предложение, как вдруг пространство вокруг сгустилось и похолодело.

– Боюсь, леди Аделаида не свободна.

Голос Итана прозвучал прямо за ее спиной, низкий и не терпящий возражений. Но на этот раз его лед встретил сталь. Джонатан не отпрянул и не опустил руку. Его взгляд спокойно встретился с взглядом Итана.

– Лорд Итан, – произнес он ровно, почти учтиво, но без тени подобострастия. – Леди Аделаида, насколько мне известно, все еще гостя на этом балу, а не узница в ваших покоях. И пока она не дала обета, ее танец – ее собственный выбор.

Тишина, повисшая вокруг, стала оглушительной. Аделаида почувствовала, как все внутри ее сжалось. Итан медленно подошел вплотную, заслоняя ее собой, его плечо почти касалось ее плеча.

Серебряные глаза холодом выжигали все вокруг.

– Вы ошибаетесь, – тихо, но четко произнес Итан. – Ее выбор был сделан за нее. А ваш визит неуместен. Уходите.

– Я уйду, если леди Аделаида сама попросит меня об этом, – парировал Джонатан, его взгляд на мгновение перешел на Аделаиду.

ду, словно предлагая ей поддержку и выход. Он не отступал, стоя с прямой спиной, бросая вызов самому мраку в обличье человека.

Язвительная улыбка тронула губы Итана, но в его глазах не было и тени веселья – только нарастающая, черная ярость.

– Очень храбро, – прошипел он так, что мурашки побежали по коже Аделаиды. – Глупо и храбро. Вы играете в игры, правила которых вам неведомы. Не заставляйте меня преподавать вам урок, который вы не сможете забыть.

Он сделал шаг вперед, и теперь они стояли почти нос к носу – пожирающий холод и несгибаемое пламя. Джонатан не дрогнул, но Аделаида увидела, как напряглись его пальцы.

– Итан, пожалуйста, – вырвалось у нее, прежде чем она сама успела осознать это. Она не могла допустить, чтобы из-за нее пострадал этот смелый, возможно, безрассудный человек.

Ее тихий голос будто разрядил натянутую струну. Итан медленно, очень медленно повернул к ней голову. Его взгляд был обещанием расплаты за это заступничество.

– Вы слышите леди? – с смертельной мягкостью произнес Итан, не отводя от нее глаз. – Она просит. Значит, она сделала свой выбор. В пользу благоразумия.

Джонатан понимающе взглянул на Аделаиду – не с поражением, а с молчаливым обещанием. Он склонил голову.

– Как пожелаете, леди. Лорд Итан. – Его поклон был безупречным, но в нем читалось неповиновение.

Он развернулся и ушел.

Итан взял ее руку, и его пальцы сомкнулись на ее запястье с такой силой, что она еле сдержала вскрик.

– Никогда, – его шепот обжигал ее кожу, – никогда не вставай между мной и тем, кто бросил мне вызов. Поняла?

(Итан резко уводит Аделаиду в сторону, в уединенную нишу за колоннами, скрытую от посторонних глаз)

– Ты думаешь, его храбрость что-то изменит? Он – щенок, который облаял волка. Завтра о нем все забудут.

– А вы – волк, который так боится щенка, что демонстрирует клыки при всем честном народе? Поздравляю, лорд Итан, вы добились своего. Теперь все видят, насколько вы сильны... по отношению к девушке и тому, кто просто проявил к ней участие.

– Участие? Это то, что ты ищешь? Немного человеческого тепла перед тем, как отправиться в мои холодные покои?

– Я ищу уважения. Чего-то, о чем вы, судя по всему, не имеете ни малейшего понятия. Вы можете заставить меня танцевать с вами, вы можете запугать любого, кто ко мне подойдет. Но вы не можете приказывать мне не презирать вас за это.

– Презирай. Ненавидь. Мне это безразлично. Ты – моя собственность. А на чувства собственности я тратить силы не привык.

– Тогда, возможно, вам стоит быть осторожнее в своих угрозах, милорд. Вы ведь сами сказали – я пока что не интересую вас как... сердце. Но что, если я решу, что тишина, которую вы так цените, для меня невыносима? Что, если я начну интересоваться каждым щенком при дворе? Ваша тихая собственность может превратиться в очень громкую проблему.

Она видит, как его зрачки сужаются. Он не ожидал такого ответа. Он привык к страху, к покорности, но не к открытому вызову, облаченному в ледяную ухитренность.

– Ты играешь с огнем, маленькая мятежница.

– Нет. Я изучаю правила игры, в которую втянута против своей воли. И первое правило, которое я усвоила сегодня: вы реагируете только на силу. Значит, я буду сильной. Не для вас. Ради себя.

Он смотрит на нее долгим, пронизывающим взглядом, в котором ярость начинает сменяться чем-то иным – странным, заинтересованным уважением.

– Что ж. Посмотрим, как долго хватит твоей силы.

Он разворачивается и уходит, оставляя ее одну с бешено колотящимся сердцем. Но на этот раз в нем не было одного лишь страха. Было горькое, пьянящее чувство победы. Она нашла в себе силы дать отпор. И он это заметил. Игра только началась.